

Хэ И так и не успел сообразить, что стояло за этими словами. Не успел он даже задуматься, как Уильям на портрете вдруг ожил. Нарисованная фигура пришла в движение на его глазах: из холста вытянулась бледная рука, мертвой хваткой вцепилась в парня и с силой увлекла за собой — прямо в бездонную глубину рамы.

Сознание стремительно угасало. Последнее, что успел сделать Хэ И перед тем, как окончательно провалиться в небытие, — это в очередной раз сочно обматерить себя за то, что вечно сует руки куда не надо. Чёртово любопытство.

Тем временем Биань Тайцзинь, оставшийся в запертой комнате, безуспешно пытался выйти на связь. Рация упрямо молчала: сигнал от Хэ И ловился из рук вон плохо, и сквозь динамик пробивался лишь монотонный, режущий слух треск статических помех.

Сняв наушники, Тайцзинь хмуро уставился перед собой. Нависший в небе таймер неумолимо отсчитывал последние мгновения — до конца оставалось всего пять минут. Если Хэ И сядет в лужу, живым отсюда не выбраться никому.

Помедлив секунду, Тайцзинь принял решение. Неторопливо сняв очки, он осторожно щелкнул крошечной металлической защелкой на дужке.

Линзы тут же разошлись в стороны, увеличившись вдвое, а сама оправка стремительно пересобралась, превратившись в аккуратный прямоугольный планшет. Тайцзинь провел пальцем по гладкой поверхности — и на прозрачном до этого стекле вспыхнули ровные ряды сенсорных клавиш.

Кто бы мог подумать, что за этими невзрачными очками скрывается полноценный портативный микрокомпьютер.

Тайцзинь привычным жестом вызвал консоль разработчика. Под тихий, дробный стрекот виртуальной клавиатуры по экрану побежали бесконечные строчки сложнейшего кода. Его пальцы буквально летали по сенсорной панели, выстраивая новые алгоритмы, пока система лихорадочно обрабатывала запросы.

Зайдя в игровой профиль, он открыл вкладку контактов — там числился всего один человек. Тайцзинь запустил сканирование игрового идентификатора Хэ И и, затаив дыхание, стал ждать результатов.

Секунду спустя мини-компьютер перехватил пакет данных с аккаунтом напарника. Пальцы Тайцзиня вновь замелькали над клавишами, бережно вшивая собственный ID прямо в структуру чужого исполняемого кода.

Закончив, он прикрыл глаза, погружаясь в ожидание.

А когда распахнул их вновь — реальность вокруг него уже была совсем иной.

На него обрушилась глухая, сырая ночь с проливным дождем. Повсюду сновали прохожие, кутаясь в плащи и спеша по своим делам. Готический силуэт зданий и фасоны старинных камзолов не оставляли сомнений: система забросила его в декорации средневековой Европы.

Забившись в глубокую подворотню, Тайцзинь заметил сушившееся на веревке белье. Секунда — и он стащил чужой просторный плащ, надежно спрятав под ним приметную тюремную робу, а заодно прихватил и широкополую шляпу, нахлобучив ее на самую голову.

Быстро оглядевшись, он заметил на углу улицы человека, лежащего в беспамятстве на мокрой мостовой. Тайцзинь поспешил к нему и, пока патрульные констебли не почуяли неладное, утащил бедолагу в темный переулок.

— Эй, дедуля, очнись! — Тайцзинь немилосердно похлопал Хэ И по щекам.

Тот лишь недовольно поморщился и попытался отвернуться к стене, что-то невнятно бурча под нос.

— Слышишь меня, дедуля? Подъем! — Тайцзинь замахнулся посильнее.

Хэ И почудилось, будто над ухом настырно звенит комар. Раздраженно рыкнув, он вслепую отмахнулся. Раздался звонкий шлепок — он припечатал ладонь аккуратно по лбу Тайцзиня. Оформив этот «привет», парень преспокойно засопел дальше.

Окаменев от такой наглости, Тайцзинь просидел в гробовом молчании секунд тридцать. Наконец, не выдержав, он мертвой хваткой вцепился в воротник спящего и заорал ему прямо в ухо, вкладывая в крик всю скопившуюся злость:

— Хэ И, мать твою!!!

Тот подскочил как ошпаренный, бешено озираясь и пытаясь сообразить, что происходит.

— Цыпа?! — Хэ И ошалело уставился на него, тщетно пытаясь собрать мысли в кучу. — Ты-то тут откуда взялся? И... погоди, чего у тебя лоб такой красный?

Тайцзинь лишь шумно выдохнул, изо всех сил сдерживая желание придушить этого идиота прямо в грязи.

Хэ И тем временем завертел головой по сторонам, и его процессор окончательно завис.

— Погоди, а где мы вообще? Мы же только что в лабиринте были... И куда делся твой ID над головой?

— Сам без понятия, — буркнул Тайцзинь, решив проигнорировать расспросы о лбе. — Лучше выкладывай, что стряслось в лабиринте.

— Ну... — Хэ И почесал затылок. — Дошел я до тупика, а там — сад с розами. И портрет этого нашего начальника, Уильяма. Вдруг из рамы как потечет кровища, а сам он ожил, протянул свои клешни и затащил меня прямо внутрь холста.

Рассказ получился коротким, но емким. Тайцзинь помрачнел пуще прежнего. Сколько он ни просчитывал пути отхода, никакого упоминания о проклятом портрете в логах игры не находил.

По плану, преодолев коридор, Хэ И должен был очутиться в саду перед тремя дверями. Чтобы выбраться на свободу, ему требовалось всего лишь толкнуть левую, выкрашенную красной краской.

Ловушка с холстом не значилась в официальном сценарии квеста. А это означало только одно — они вляпались в скрытый сюжет.

— А что снаружи творится? — спохватился Хэ И, вспомнив про таймер. Он понятия не имел, сколько провалялся в отключке.

— Пять минут до взрыва, — отозвался Тайцзинь, взглянув на небо. — Но паниковать рано. Время в этой локации, похоже, течет по другим законам и не связано с реалом. — Он прикинул положение бледного лунного диска среди туч. — Сейчас тут примерно девять вечера.

Хэ И облегченно выдохнул. Но тут же в его голове шевельнулось подозрение: погодите-ка, а разве Цыпа не должен был сидеть в операторской кабинке и координировать его по рации? С какого перепугу он сам торчит в этой луже?

Словно прочитав его мысли, Тайцзинь небрежно пояснил:

— Я взломал твои системные логи, просканировал профиль и синхронизировал наши аккаунты на программном уровне. Системе пришлось проглотить этот код и закинуть меня следом за тобой.

Хэ И удивленно моргнул:

— А можно для гуманитариев?

— Я написал чит, — вздохнул Тайцзинь и привычным жестом попытался поправить дужку очков, начисто забыв, что они давно лежат в кармане в виде планшета.

В играх Хэ И смыслил туго, но слово «чит» знал отлично. У него даже челюсть отвисла, когда до сознания наконец дошел масштаб произошедшего:

— Ты... ты прямо во время сессии можешь читы строчить?! Да мы же теперь практически боги!

Тайцзинь страдальчески закатил глаза, мысленно умоляя высшие силы не дать ему умереть от инсульта прямо сейчас. Сделав глубокий вдох, он процедил:

— Не раскатывай губу. Это мой абсолютный максимум. Мы заперты внутри игровой платформы, так что развернуться в полную силу мне никто не даст — системные ограничения не обойти.

Хэ И, конечно, мало что понял из этих объяснений, но сам факт того, что под боком есть настоящий сумрачный гений, способный на ходу ковыряться в коде вселенной, чертовски прибавлял уверенности.

— Ну и какой у нас план? — Хэ И предвкушающе потер ладони, так и горя желанием ввязаться в какую-нибудь авантюру.

— Тихо, — Тайцзинь кивнул куда-то вдаль. — А вот и наш главный герой пожаловал. Давай-ка пока не отвечивать и понаблюдаем со стороны.

По залитой дождем улице неторопливо шел человек в тяжелом длинном пальто. Черный купол зонта надежно скрывал его лицо от любопытных глаз, но он выдал себя неестественно бледным, словно высеченным из мрамора подбородком. Сомнений не было — перед ними стоял Уильям.

На этот раз на нем не было привычной тюремной формы. Слегка покачиваясь и увязая в грязи, он бережно прижимал к груди бутылку виски, направляясь к массивным воротам богатой усадьбы в конце улицы.

Переглянувшись, напарники бесшумными тенями двинулись следом.

Прижимая к себе бутылку, Уильям притормозил у кованой ограды. Сразу за ней раскинулся роскошный розовый сад, где прямо сейчас разыгрывалась безрадостная сцена. Десятки изможденных людей в серых арестантских робах под непрекращающимся ливнем таскали огромные валуны, по колено утопая в грязи. Судя по всему, здесь полным ходом шла масштабная перепланировка.

Сам хозяин поместья устроился на крытой террасе и оттуда, брезгливо кривясь, покрикивал на невольников. Уильям застыл у ворот, наблюдая, как несчастные едва волочат ноги по раскисшей глине, и его лицо невольно потемнело от тяжелых мыслей.

Заметив гостя, хозяин торопливо кивнул слуге, чтобы тот раскрыл над ним зонт, и расплылся в слащавой улыбке. Он вальяжно спустился к воротам и панибратски похлопал Уильяма по плечу:

— А, это ты! Спасибо, парень, удружил. Отличный виски раздобыл, мое почтение.

Уильям мгновенно вытянулся в струнку и щелкнул каблуками, отдавая безупречный воинский салют:

— Рад стараться, господин начальник! Задание выполнено.

Перед ними стоял начальник тюрьмы Саки собственной персоной — пузатый мужчина средних лет с унылой плешью на полголовы. Впрочем, свои уцелевшие три волосины он холил и лелеял с особым рвением, густо смазывая бриолином, отчего те лоснились, как начищенный чайник.

— Вольно, Уильям, вольно, — добродушно отмахнулся Саки. — К чему эти официальности на моей территории?

Уильям робко улыбнулся и опустил руку, заметно смутившись.

— Господин начальник, а что здесь... — Уильям с любопытством покосился на копошащихся в грязи арестантов. — Зачем затевать перепланировку в такой ливень? Неужели нельзя обождать?

— У моей дражайшей супруги завтра именины, — Саки самодовольно пожал плечами. — Сад должен благоухать и выглядеть безупречно. Если хоть один куст будет топорщиться криво, она мне всю плешь проест.

Новой пассии Саки едва перевалило за двадцать — при желании он мог бы выдать ее за собственную дочь. Пикантность ситуации заключалась в том, что стоило этой вертихвостке появиться на горизонте, как прежняя супруга начальника скоростно скончалась от загадочной болезни. Саки горевал недолго и при первом же удобном случае повел молодую прелестницу под венец.

Уильяму доводилось мельком видеть новоиспеченную хозяйку поместья. Личиком она и впрямь вышла недурна, да и держалась с утонченным изяществом истинной аристократки. Вот только среди надзирателей о ней ходили совсем другие слухи: шептались, что эта благородная дама — обыкновенная уличная девка, пробивавшая себе дорогу наверх через постели влиятельных господ.

Идиллию прервал истошный, полный боли крик, донесшийся из сада. Один из каторжников споткнулся о корень шиповника и рухнул навзничь. Огромный валун выскользнул из его ослабевших рук и с глухим хрустом придавил бедолаге ногу. Несчастный свалился прямо в густые заросли диких роз, и острые шипы мгновенно исполосовали его лицо и грудь.

Саки побагровел от ярости и, брызжа слюной, ринулся к пострадавшему. Тяжелый камень раздавил великолепный куст сортовых роз, обломав нежные стебли и втоптал бутоны в зловонную жижу. Вся ландшафтная композиция, которую так тщательно выстраивали, пошла прахом.

Саки, не стесняясь в выражениях, принялся остервенело пинать стонущего арестанта тяжелым носком сапога прямо по голове. Запутавшись в колючих ветках и придавленный камнем, тот не мог даже закрыться от ударов и лишь хрипел, захлебываясь слезами и моля о пощаде.

— Ублюдок! Ничтожество! Ты мне весь цветник изгадил!

— Гнида! — распалялся Саки, продолжая наносить удары. — Ты мало того что преступная мразь, так еще и безрукий калека! Из-за тебя, скотина, все труды насмарку!

Начальник тюрьмы брезгливо сплюнул под ноги, сунул руку во внутренний карман сюртука и выхватил тяжелый револьвер.

— Ладно, падаль. Считаю, что я лично привел твой приговор в исполнение. Отправляйся в ад, придурок!

Сухой щелчок выстрела разорвал шум дождя. Пуля разворотила несчастному лоб, и он затих, ткнувшись лицом в окровавленную грязь.

Саки брезгливо толкнул бездыханное тело носком сапога и повернулся к застывшим от удивления и ужаса каторжникам:

— Чего уставились, псы? Живо приберите это дерьмо. Будете возиться — каждого лично пристрелю!

Арестанты, дрожа всем телом, подхватили покойника за руки и поволокли прочь. Тянувшийся за ним багровый след быстро размывало дождевыми потоками, смешивая кровь с раскисшей землей у корней шиповника. Напитанные этой жуткой влагой бутоны роз казались теперь еще более алыми — пугающе, неестественно яркими.

Спрятав оружие, начальник тюрьмы, ворча и отряхивая брызги, вернулся под навес к Уильяму.

— Какое паскудство! Из-за этих тупоголовых тварей чуть сюрприз любимой не испортил.

Уильям стоял бледный, словно громом пораженный. Изрядно заикаясь, он выдавил:

— Но... господин начальник... этот человек... Его же дело должны были рассматривать только через три месяца. Да и семья его уверяла, что обвинение ложное...

— Тьфу, сказки для дураков! — Саки пренебрежительно махнул рукой в сторону, куда утащили труп. — Обычный пекарь, возомнивший о себе невесть что. Представь себе, эта шваль наотрез отказалась выпекать галеты для генеральских левреток! Да еще и выставил офицера вон из лавки. Жить ему, видите ли, надоело. Так что легкая смерть для него — еще щедрый подарок.

— Но его ведь судили за насилие и убийство?..

— Девка та была служанкой у генерала в поместье. Господа ее немного... пережали в постели, с кем не бывает. А чтобы шумихи не поднимать, генерал решил повесить мокрое дело на этого строптивного торгаша. Очень удобно получилось. Обычный сброд. Ишь чего удумали — перечить высокопоставленным господам! А семейка его пускай хоть завалит суды своими бумажками — толку ноль, генерал со мной обо всем лично договорился.

С этими словами Саки небрежно кивнул Уильяму и зашагал обратно к террасе, вновь зычно покрикивая на каторжников. Уильям так и остался стоять под проливным дождем, буравя взглядом удаляющуюся спину начальника. На его бледном лице застыло странное, глубокое выражение — смесь горького осознания и внезапно вспыхнувшей жажды абсолютной, безграничной власти.

Притаившиеся в тени Хэ И и Биань Тайцзинь не пропустили ни одной детали. Они отчетливо видели, как в глазах молодого надзирателя родился монстр. Это был момент, когда в его душе пустила корни слепая, всепоглощающая похоть к неограниченной власти.

<http://bllate.org/book/20103/2039294>